

А. А. Димьяненко

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Дети-путешественники в детской литературе первой половины XIX века: герои и маршруты *

Рассматриваются сюжеты о путешествиях детей, встречающиеся в детской литературе, изданной в первой половине XIX в., предпринята попытка классификации этих сюжетов, проанализирована традиция введения в круг чтения детей литературы путешествий и «маршрутов», используемых авторами для описания путешествия героя-ребенка. Важными выводами исследования становится анализ поведения персонажей и функционирование предписанных социальных норм в пространстве путешествия. Источниками для анализа стали произведения А. О. Ишимовой («Каникулы 1844 года» (1846); «Петруша ездок» (1849)), А. П. Зонтаг («Потерянное дитя» (1835)), К. Местра («Молодая сибирячка» (1840)), В. В. Львова («Серый армяк» (1836), «Приемыш Сережа» (1854)), М. Гладковой («15-тидневное путешествие, 15-тилетнюю писанное, в угождение родителей, и посвящаемое 15-тилетнему другу...» (1810)) и анонимной повести «Маленькие путешественники или испытания молодости» (1834).

Ключевые слова: детская литература первой половины XIX века, литература путешествий, травелог, дети-путешественники.

Сегодня не вызывает сомнений, что понятие «детство», относясь к биосоциальным феноменам, в значительной степени является социально-культурным конструктом, причем достаточно изменчивым и подвижным, наполняющимся различным содержанием в зависимости от исторической эпохи. В этом изменчивом конструкте мы рассматриваем гендерный аспект, который также достаточно подвижен, хотя, возможно, в силу той же биосоциальности является одним из наиболее устойчивых, что также наблюдается на примере дифференциации по гендерному признаку, которую выделял Ф. Арьес, в изменениях во взгляде на внешний вид ребенка и его одежду: «Любопытно, что желание выделить ребенка в особую категорию касается именно мальчиков: девочек внешне отделяют от взрослых женщин лишь ложные рукава, вышедшие из моды в XVIII веке, как если бы возраст в меньшей степени разделял женщин, чем мужчин. Костюм является одним из признаков этого настроя, мальчики – первые дети, выделенные в отдельную

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00381 «Педагогические концепции гендерной социализации в русской детской литературе».

Димьяненко Анна Андреевна – кандидат филологических наук, старший лаборант Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия, ann.dimyanenko@gmail.com)

категорию. Они начинают в массе своей посещать колледж с конца XVI – начала XVII века. Образование девочек начинается лишь во времена Фенелона и мадам де Мантенон, оно развивается позже и медленнее. Не имея школьного периода, девочки рано смешиваются с взрослыми мужчинами. И никому не приходит в голову по костюму сделать видимой разницу – начинающую существовать у мальчиков – между ребенком женского пола и взрослой женщиной» [Арьес, 1999, с. 67–68]. В этом отношении культура дворянской России первой половины XIX в. представляет особый интерес для исследователей, так как именно в этот период активно формировались те гендерные модели, которые определяли основные направления гендерной социализации мальчиков и девочек на протяжении последующего длительного периода, вплоть до резкой смены политической и социальной жизни страны в 1917 г. и продолжали влиять на гендерные установки исподволь еще долгое время, будучи, например, востребованы неоконсервативной идеологией 1990-х гг. и т. д. Важным кажется и тот факт, что в первой половине XIX в., в отличие от предшествующего столетия, в России существенно возрастает число профессиональных авторов, целенаправленно пишущих тексты для детей, наряду с переводами произведений европейских авторов растет число оригинальных произведений для детей, и детская литература окончательно выделяется из общего литературного потока в отдельное направление.

Этот период в истории детской литературы также связан с появлением разнообразных жанровых форм художественных текстов для детей и литературных экспериментов. Одним из направлений, связанных с активным интересом к историческому прошлому страны и популярностью трудов Н. М. Карамзина, становится литература, где описывается путешествие или перемещение героя по территории Российской империи. Современные исследователи травелога справедливо разделяют выдуманное и реальное путешествие [Майга, 2014; Пономарев, 2013; Балина, 2000]. Травелог представляет собой реальное путешествие, зафиксированное в путевых очерках и дневниках. В то время как вымышленное, неосуществленное путешествие, описанное в художественной литературе, не претендует на выделение в отдельную жанровую форму, так как путешествие может быть литературным фоном или мотивом в произведении. Хотя и в этом вопросе нет единого мнения, и исследователи предлагают определять принадлежность к жанру выборочно отдельные произведения. В своем исследовании мы будем рассматривать художественные тексты, написанные для детей, в которых путешествия занимают большую часть текста и являются сюжетной моделью для перемещения героя. Некоторые из них написаны в форме путеводителей, дневников или художественных произведений с развернутым географическим описанием окружающей местности или вписанными историческими справками о городах, памятниках архитектуры, этнографическими реалиями, в которые помещены герои произведения.

Изображение ребенка в качестве героя литературы путешествий отражает важные процессы интеграции детей в социальный контекст, демонстрирует предписанные модели женского и мужского поведения, а также является одним из интереснейших маркеров цели путешествия героя.

С момента становления русской детской литературы в XVIII в. традиция описания путешествий для детей связана с исследовательским и приключенческим элементом. Первыми образцами произведений для детей с героями-путешественниками становились переработанные переводы И. Г. Кампе и других зарубежных авторов (Кампе И. Г. «Новой Робинзон: Служащий к увеселению и наставлению детей» (1792), «Открытие Америки: Приятное и полезное чтение для детей и молодых людей» (1787–1788); «Похождение Телемака, сына Улисса» (1747); Вецель И. К. «Новой Робинсон Крузе, или Похождения славного аглинского мореходца: Переведено с немецкаго» (1781) и др.). Возросшая популярность мате-

риала определила увеличение интереса авторов к введению в произведения путешественников и первооткрывателей новых земель. В XIX в. стали выходить беллетризованные описания путешествий и географических открытий в сериях для детей («Библиотека путешествий мужей знаменитых, как то: Колумба, Кука, Бридона, Турнбулла, Бирона и многих других, в коих описаны занимательные и необыкновенные предметы в природе и жизни человеческой: пер. с нем.: [в 3 ч.]» (М., 1826) и др.). В конце XVIII – первой половине XIX в. познавательные тексты о мировой географии, путешественниках и их открытиях становятся необходимой частью образовательной литературы для детей.

Появление новых жанровых форм и новых форм книжности, адресованной детям, становится следствием развития образования и развития детской литературы. Исследование традиции литературы о путешествиях в кругу чтения детей можно рассматривать в более длительной вековой ретроспективе, однако нам важно зафиксировать актуализацию обращения к литературе путешествий в среде конца XVIII – начала XIX в., в эпоху становления детской литературы и интереса к изображению географического пространства и внешнему миру. Жанровая традиция этих текстов позволяет говорить, что описание поведения и эмоциональной сферы главных персонажей в детской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX в. не является основной задачей авторов и составителей при описании путешествий.

Развитие жанра «литературы путешествий» в художественной прозе для детей определялось просветительскими задачами, направленными на увеличение интереса к отечественной истории. Географические очерки, передающих точные климатические и этнографические реалии, находились в тесном контакте с традицией путевой литературы петровского времени, отражавшего реалистичное изображение действительности, основанное на личном опыте рассказчика [Травников, 1987; Михельсон, 1974].

На этом фоне детская русская художественная литература путешествий первой половины XIX в. формируется в традиции общей литературы путешествий, развивающейся после XVIII в. по двум направлениям: написанного на документальной основе (например, государственный путевой очерк, принятый в среде служащих и государственных чиновников) и паломнической литературы, связанной с жанром хождений.

Героем литературы путешествий первой половины XIX в. становится непосредственно сам ребенок. Традиционное изображение детей в первых образцах художественной литературы, адресованной детям, – нравоучительной повести конца XVIII в., демонстрирует собирательный образ ребенка, часто не имеющего определенного пола, возраста, национальности и, как правило, именующегося «дитя» [Сергиенко, 2015, с. 115]. Описательные характеристики персонажей детей не являются чем-то существенным, поскольку сюжет нравоучительной повести разворачивается вокруг поступка главного героя. Образы детей, репрезентируемые в русской детской литературе в 1810-е – 1860-е гг., начинают проявляться с более выраженной гендерной принадлежностью: появляются имена («Приемыш Сережа», «Параша Лупалова»), национальность, занятия, родословная, отношения в семье и т. д.

Несмотря на явно выраженную гендерную асимметрию в литературе, обращенной к взрослому читателю¹, путешествующие героини встречаются в детской

¹ В перечне изданной литературы, указанной в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова, в разделе «Путешествия» существенно преобладают произведения, написанные авторами-мужчинами или с персонажами-мужчинами. Из 105 книг, озаглавленных

литературе не реже, чем путешествующие герои юноши. Примерами женских путешествий становились описания странствий Параши Лупаловой в повести К. Местра «Молодая сибирячка» (1840)² и безымянных героинь произведений М. Гладковой «15-тидневное путешествие, 15-тилетнею писанное...», А. Ишимовой «Каникулы 1844 года...» и др. По мнению исследователей Е. Милюгиной и М. Строганова, в XIX в. в дневниках и записях путешествий происходит изменение формы репрезентации автора в текстах тревелогов – обобщенно-личное *мы* сменяется авторским *я* [Милюгина, Строганов, 2014, с. 12]. Таким образом, автор повествования фиксирует индивидуальное впечатление и описывает собственные эмоции. В анализируемых текстах, однако, наблюдается характерное прямое обезличивание героинь женского пола, что видно из заголовков названий произведений: «15-тидневное путешествие, 15-тилетнею писанное...», «Молодая сибирячка», «Каникулы 1844 года...». Героинями подчеркивается неспособность документального описания, предпринятого ими в своих журналах: «Измарала уже несколько листов, а толку нет, столько мне не нравится, что принуждена изорвать. – Голова моя так пуста, что я решила было с досады бросить бумагу и перо, и из первого города написать к Папиньке, что не могу удовлетворить его желание, чувствуя себя не способной к описанию нашего путешествия» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 8); «...сколько раз я принималась исполнить твою просьбу, и опять оставляла это намерение, не оттого, чтобы у меня было мало терпения на это дело, но, право, скучно писать, когда никто не будет читать написанного. Ты верно побранишь меня за это чувство, совершенно женское...» (Каникулы, 1846, с. 1). Нерегулярное ведение дневника путешествия демонстрирует, что перед читателем несерьезный, наивный взгляд, не требующий строгой описательности и фактической достоверности, путешествующей «только для удовольствия» (Каникулы, 1846, с. 3).

Появление произведений детской литературы путешествий, написанных от лица женщины, демонстрирует, с одной стороны, увеличение числа авторов, обращавшихся к жанру путешествий в XIX в., а с другой – изменение социального статуса женщины в обществе и форм приемлемой для нее публичности [Голстокорова, 2016; Dickinson, 2007]. Литературная деятельность женщин в России до начала XIX в. ограничивалась простыми жанровыми формами: письмами, дневниками, поэзией или переводами, которые относились к частному, а не публичному дискурсу и, таким образом, больше соответствовали традиционной женской сфере. «Женский взгляд» в литературе путешествий, адресованных детям, а также перераспределение ролей в сюжете и введение персонажей женщин демонстрируют эволюцию представлений о формах традиционной модели женского поведения.

Главные героини в произведениях М. Гладковой (1810) и А. Ишимовой (1846), сохраняют анонимность, однако уже транслируют изменение восприятия действительности. Форма изложения первых художественных произведений для детей, написанных от лица путешествующих девушек, по-прежнему рассматривается самими авторами как явление частного, а не публичного характера и представляет собой переписку между двумя молодыми девушками. В переписке рассказчицы демонстрируют также меньшую описательность и большую эмоциональную привязанность к адресату. Ишимова использует этот прием в повести «Каникулы 1844 года...», чтобы продемонстрировать свою позицию, отражающую изменяющийся взгляд на самоощущение и способность к саморефлексии женщины. Пове-

как «путешествия», 4 написаны авторами женщинами или с присутствием героини женского пола.

² Оригинал произведения вышел в 1825 г. на французском языке.

ствование ведется от лица некоей дамы, которая, как мы узнаем по сюжету, является гувернанткой молодых людей и путешествует в дилижансе с тетушкой Ольгой Дмитриевной, «распорядительницей поездки», и воспитываемой ею девушкой Лизой. В соседнем отделении дилижанса едет сопровождающий их молодой человек Валериан и «с ним его дядя, друг, наставник и неутомимый изыскатель исторических древностей, Николай Дмитриевич» (Каникулы, 1846, с. 6). Эти два персонажа, имеющих разный социальный статус, – рассказчица гувернантка и дядя Николай Дмитриевич, эрудированный знаток истории, демонстрируют двойную позицию рассказчика – как учителя, так и ученика: «Не только наши молодые спутники, но даже и мы с Ольгой Дмитриевной надеемся возвратиться из этого путешествия с большим запасом разнообразных знаний. Не подумай, чтобы он соединял с этою ученостью большую серьезность или что-нибудь похожее на важный учительский тон. Совсем нет! Ничего не может быть проще его рассказов и объяснений...» (Каникулы, 1846, с. 9–10). Читателю, знакомому хотя бы отдаленно с некоторыми деталями биографии Ишимовой ясно, что героиня, от лица которой ведется повествование, во многом является альтер-эго самой писательницы. Характерно, что рассказчица-гувернантка, в чьи обязанности входит наблюдение за детьми, лишается этой функции, а с ней и дидактически-просветительского текста и уступает право голоса Николаю Дмитриевичу.

Героиня повести М. Гладковой «15-тидневное путешествие, 15-тилетнему посвященное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу. 1810-го года августа месяца» так же, как и героиня А. Ишимовой, лишена имени. Здесь важнейшие качества и личностные характеристики героини определяются автором в заголовке произведения. Такие категории, как возраст («пятнадцатилетняя»), покорность родителям и чувство долга, по мнению автора, характеризуют ее важнее, чем имя. В предуведомлении, говоря о неспособности ведения журнала, безымянная героиня Гладковой хвалит доброжелательность отца, признает его авторитет, подтверждает свою собственную преданность и послушание и с радостью ожидает их воссоединения в Петербурге: «Ежели кому будет очень, очень скучно, то пусть только тот и читает не зрелого ума моего сочинение, которое писано с чувством юной девицы, не читавшей романов, следовательно и не умевшей украсить своего путешествия романтическим слогом, но представившей все, что видела, слышала, чувствовала в подлинном изображении свободного описания, и не совсем на досуг, потому что была занята другою обязанностью» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. [1]). Адресатом писем героини выступает отец: «Вот вдруг два письма от милого Папиньки! <...> А я от радости больше не скажу, что к счастью моему попала на его желание, предприняв описание нашего путешествия, ибо он в письме своем того от меня и требует... Любезнейший Родитель, ты знаешь, что благо и что зло; веди меня куда угодно, я в покорности пойду в след твоей воле; и быв уверенною в Родительской твоей нежности; что может заставить меня и сомневаться в оной?» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 29–30). Если отец героини является главным движущим мотивом ее путешествия и его описания, то расширение родительского авторитета, воплощаются в фигуре ее брата, который дает практические советы о том, как поступить в той или иной ситуации. Вместе с тем повествование, ведущееся от лица героини, сосредотачивается, в основном, на ее коммуникации с женщинами. Она посвящает свою книгу молодой подруге и фрейлине императорского двора графине Марии Салтыковой, в тексте также содержатся многочисленные сентиментальные обращения к оставленным в Москве подругам. Большую часть в описании всего путешествия героиня посвящает наблюдением за женским миром. Повествовательница склонна игнорировать мужчин, встречающихся в пути, сосредоточив свое внимание на их спутницах: матерях и сестрах, женах и дочерях начальников

станций и хозяев торговых лавок, слуг и крестьян (продавщицы баранок, крестьянские девушки). При описании местности героиня также подмечает разные особенности, связанные именно с женским миром: «...здесь выговор жителей, а особенно женщин, различается от обыкновенного Русского по скорости разговора» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 41–42), «...мне старая хозяйская служанка сказала, будто прежде бывало обыкновение, что купивший вязку баранок должен был или мог поцеловать продавщицу, а может быть сие и до ныне продолжается» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 81), «В сем городе в соборной церкви Преображения Господня, опочивают под спудом Мощи скончавшейся в 14 веке Благоверной, Великой Княгини Вяземской, Супруги Князя Симеона Вяземского...» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 42) и т. д. Внимание к взрослым женщинам разных сословий, способам их самопрезентации и образу действий, очевидно, отражает сферу социальной активности, которая считалась подходящей по полу и возрасту для 15-летней девушки. Интересен и тот факт, что восприятие женского мира преподносится героиней как самостоятельная, независимая повествовательная позиция, лишенная посреднического родительского взгляда.

Если героиня-путешественница ведет свое повествование с оглядкой на персонажа-мужчину, то герой мужского пола в описании своего путешествия вполне самостоятелен и самодостаточен. Путешествия молодых людей, в отличие от женских поездок, имеют конкретные цели и, как правило, носят прагматический характер. Герой повести «Петруша ездок» (1835) А. Ишимовой с младенчества очень любит ездить с отцом, богатым лавочником, за товарами. Однако сам отец считает интерес сына к поездкам праздным и наставляет его относиться к перемещениям с более практической точки зрения: «Петруша: <...> Когда поедешь куда нибудь, то видишь все новое; когда дома сидишь, то перед глазами все старое, все одно и то же, что видел вчера, то увидишь и завтра и послезавтра. <...> Отец: <...> Так, конечно, не мудрено ездить, да какая же тебе польза от этого? Я еду за делом, а ты и сам не знаешь, куда едешь» (Петруша ездок, 1849, с. 86–87). В диалогах между отцом и сыном демонстрируется ценность путешествий, как особого типа познания, для участия в котором требуется быть организованным, дисциплинированным и готовым к восприятию нового знания: «Чтобы узнать *далекое*, особливо ездой, как хочешь ты, надобно еще многому научиться» (Петруша ездок, 1849, с. 86).

Особенность путешествия мальчика подростка заключается в получении образования и устройства карьеры. Описание делового перемещения с целью получения знаний и опыта, позволяющих в дальнейшем как-то их использовать или иметь какую-либо выгоду, в сюжетах детской художественной литературы XIX в. наследует традицию государственных путевых очерков предшествующей эпохи, которые создавались их авторами для того, чтобы фиксировать свои действия, окружающий мир, важные официальные и приватные контакты во время служебной поездки.

Герои повести В. В. Львова «Приемыш Сережа» – Миша и Сережа – отправляются в путешествие в Петербург для того, чтобы получать образование в пансионе, а случайно потерявшийся мальчик из повести «Потерянное дитя» возвращается богатым господином, успешным торговцем и счастливым мужем. Фигуры юношей, вынужденно оказавшихся в путешествии, как, например, Иван из повести «Потерянное дитя», или пустившихся в путь без принуждения, по собственной воле, как герои повести «Маленькие путешественники», в финале путешествия предстают перед читателями в образе успешных, образованных, деловитых людей, владеющих несколькими языками. Их внешнее и внутреннее преображение отсылает к излюбленному сюжету хождений – ритуальному обновлению, внут-

ренному перерождению. Подобно ритуалу инициации, путешествие должно сделать из него мужчину, а следовательно, преобразить его личность и социальное положение. В то же время ритуальная семантика путешествий приобретает сакральное значение. В повести «Маленькие путешественники, или Испытания молодости» (1834) появляется характерный персонаж-проводник, который сопровождает потерпевших кораблекрушение в буре детей-сирот, защищает их от всех несчастий и трудностей, а в финале повести преобразается в ангела. Характерно, что обращения с наставлениями старец всегда адресует или обобщенно обоим сиротам, или Эрнесту – мальчику-герою: «Молодой друг мой, – сказал Рафаил Эрнесту, – продолжительные путешествия не всегда делают нас лучшими против прежнего, чтобы путешествовать с пользой, надо было образовать свой ум. Без хорошего воспитания или без мудрого руководителя, сердце часто принимает чуждые пороки и лишается той добродетели, которою обладало до отъезда» (Маленькие путешественники, 1834, с. 40–42). Перед отплытием домой он также обращается к Эрнесту, подводя итоги странствий двух героев – брата и сестры: «Эрнест, ты достиг уже двадцатого года своего возраста. Отныне я буду говорить с тобой как с господином Гранвилем. В продолжение нашего путешествия, я старался усовершенствовать твой разум и объяснить тебе все наклонности человеческого сердца, чтобы впоследствии ты мог достойно управлять собою» (Маленькие путешественники, 1834, с. 258–260). Ясно, что подобная коннотация и нравоучительный тон в сюжете книги для детей повышает полезность путешествия, которая, однако, проявляется только по отношению к герою – брату Эрнесту. После удачной женитьбы Эрнеста на богатой невесте в финале повести его сестра Мария отказывается от титула первой фрейлины королевы и замужества, поскольку она «не хотела разлучиться со своим братом» (Маленькие путешественники, 1834, с. 336). Модель поведения сестры Эрнеста отражает еще одну предписанную функцию социального поведения девушки – сопровождения мужчины в путешествии независимо от ее целей и желаний.

Другая форма повествования, восходящая к традиции описания паломнического хождения, используемая в художественной литературе для детей, еще более явно демонстрирует внутреннее обновление персонажей и взросление героев в путешествиях. К таким типам повествования относятся произведения об одиночных странствиях Параша Лупаловой («Молодая сибирячка») или Петруши Перлова («Серый Армяк»). Эти сюжеты используются авторами, чтобы продемонстрировать назидательную составляющую, связанную с мотивом спасения родителей или старших родственников благодаря своей самоотверженности и самопожертвования путем послушания и молитв. Их духовный опыт, а также сопутствующее им божественное провидение, превращает героев фактически в святых и становится в тексте своеобразным образцом поведения для детей. Средоточенность на фигуре путешественников, имеющих, в отличие от героев произведений А. Ишимовой или М. Гладковой, имя и фамилию, биографию, привычки и внешность, настраивает читателя на «правдивость» художественного вымысла, готовит читателей к встрече с реально существующей личностью, как, например, автор повести «Молодая сибирячка» в предуведомлении: «Если рассказ о ее приключениях не представляет той неожиданной занимательности, которую романист может придать вымышленным лицам; то все же, может быть, не без удовольствия прочтется простая повесть ее жизни, сама по себе довольно занимательная и украшенная только одною истиною» (Молодая сибирячка, 1840, с. 2).

Лишения и вынужденные испытания, встречающиеся на пути героев, заставляют их вступать в контакты с незнакомыми людьми и анализировать собственные действия и поступки. В противоположность предсказуемой семейной жизни под опекой родителей путешествие по незнакомым местам усиливает пережива-

ние от событий и встреч. Под влиянием новой реальности, в которую вступает путешественник, происходит переоценка окружающего мира и социальная интеграция главных героев.

Вынужденные перемещения одиноких путешественников обусловлены самостоятельным решением, их поступки и выбор направления в конечном счете основаны на собственном понимании действительности и невозможности изменения обстоятельств, а не продиктованы решением взрослых. Примером исключительной самостоятельности и проявления характера в женском персонаже является образ Параша Лупаловой в повести К. Местера «Параша Сибирячка», имеющий реальный прототип Прасковью Луполову, дочь сосланного в Сибирь прапорщика Григория Луполова³, решившую идти из Ишима в Петербург с прошением об освобождении отца. Повесть имела множество переизданий под разными заголовками – «Параша Лупалова», «Юная сибирячка», «Параша сибирячка». Непокорность родительской воле Параша едва ли не единственный пример в детской литературе первой половины XIX в., когда неповиновение родителям находит поддержку у автора. При этом преодоление трудностей, с которыми сталкиваются герои, как правило, не имеет каких-либо выраженных предписанных гендерных норм. Их действия полностью подчинены цели путешествия и не зависят от чьего-либо вмешательства, кроме божественного.

Поведение героев, взаимодействие с окружающим миром и прохождение испытаний – важные структурные категории литературы путешествий, которые, однако, невозможно представить без собственно описания местности и конкретных остановочных пунктов. Описание маршрутов детей-путешественников является композиционным приемом произведения и стержневым элементом текста.

Исторически в травелоге XVIII – первой половины XIX в. отразился процесс конструирования географического и культурного пространства России, Европы и мира, обусловленный переменами в истории и осмыслении собственной национальной принадлежности.

В рассматриваемых нами текстах художественной литературы для детей первой половины XIX в. маршрут путешественников описывается как внутри, так и вне границ Российской империи. Сюжеты о путешествии внутри страны представлены разными текстами, но все они в конечном счете объединены общей идеей: пространство государства нуждается в узнавании и освоении. Территория должна обрести осязаемые черты, что, в свою очередь, позволяет конкретизировать и осмыслить национальную и государственную идентичность. Дети-путешественники в детской литературе первой половины XIX в. оказываются в роли проводников, знакомящих читателей с географическими и этнографическими особенностями Российской империи, которые вписаны в сюжеты произведений в виде коротких отступлений. Например, героиня «15-тидневного путешествия...» описывает свое пребывание в Торжке: «Я разбудила моих сестриц и сказала им, вот маленькой, но изрядный городок, который лежит при реке Тверце; в нем находится множество кожевенных заводов, а потому продаются разные готовые цветных кож изделия, из коих многие вышиты серебром и золотом, также подушки и тюфяки очень хорошие. Товар сей большею частью посылают в Петербург; а притом что город-то нов» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 41), или авторское отступление в описании Твери в путешествии Сережи и Миши: «Заметьте, что в Тверской, а особенно в Новгородской губернии, *цикают*, т. е. вместо ч выговаривают *ц*» (Приемыш Сережа, 1854, с. 75).

Маршруты героев внутри страны имеют остановки, которые используются для описания населенных пунктов, их достопримечательностей, наиболее привле-

³ Подробнее об истории Параша Лупаловой см.: [Савченкова, 2004].

кающих внимание путешественника, или эпизодов, связанных с происшествиями на пути главных героев.

Разные типы маршрутов формируются исходя из целей путешествия героев-детей. Например, перемещения детей, предпринятые с целью приобщения к святыням или исполнения обета, характеризуются бессистемностью и отсутствием какого-либо намеченного плана перемещений. Герои редко дают оценку своего местонахождения и времени, потраченного на дорогу, или расстоянию предстоящего пути. Знания героев путешествий об окружающем мире подчас настолько малы, что они регулярно сталкиваются с трудностями в определении дальнейшего пути и становятся объектом насмешек: «Параша, не имея никаких географических сведений о стране, ею проходимой, вообразила, что известный, по святыням своим, город Киев, о котором мать ей часто рассказывала, лежит на дороге в Петербург. <...> Имея такую ложную мысль о положении этого города и видя, что все смеются над вопросами с ея о дороге в Петербург, она стала спрашивать у проходящих в пути в Киев, но это также было бесполезно» (Молодая сибирячка, 1840, с. 39–40). Герои движутся к конкретной финальной цели своего странствия, оставаясь в некоторых населенных пунктах только из прагматических целей – получение ночлега и пропитания или короткого отдыха, и, как правило, не имеют возможности любоваться достопримечательностями. Однако иногда внутренняя динамика подобной фабулы может быть прервана историческими справками о местонахождении героя повествования: «До Тулы и в самой Туле не случилось с ним ничего особенного; но Тула слишком замечательна, чтоб не обратить нашего внимания. – Она стоит также на Оке и принадлежит к лучшим нашим городам; она сделана губернским в 1783 году. Верно всякой Русской знает стальные Тульские произведения? Но важнее всего, то, что тут главнейший оружейный завод» (Серый армяк, 1836, с. 55–56). По достижении финальной точки путешествия и исполнении героем духовного обещания путешествие заканчивается, герой меняется и осознает свое духовное изменение. Однако после этого путешествия всегда следует описание возвращения домой, на пути которого герой открывает для себя ценность родной земли.

Структура повествования, схожая со стилем путевого очерка, носит более стройный характер, поскольку герои ведут регулярные записи в журналах («Каникулы...»), «15-тидневное путешествие...») или описывают отдельные эпизоды, впечатления из всей поездки («Приемыш Сережа»). Их перемещения характеризуются усилением интереса героев к русской культуре и проявлением интереса к отечественной истории. Европейские ценности при этом отвергаются, и путешественникам приходится доказывать значимость своей культуры. Например, героиня повести М. Гладковой после встречи с дамами, говорившими по-французски, рассуждает о превосходстве родного языка: «О! как мне всегда больно, ежели Русские не хотят говорить своим языком, а особливо когда вспоминаю, что в древние времена и побеждаемые Славянами народы перенимали их язык» (Пятнадцатидневное путешествие, 1810, с. 92–93), или в повести «Приемыш Сережа»: «Если считается неприличным дурно говорить на иностранных языках, то не знать основательно своего родного языка неппростительно» (Приемыш Сережа, 1854, с. 72).

Поиски национальной идентичности и передача культурной традиции подрастающим поколениям выражалась в формировании интереса к истории провинциальных городов, которая отчасти наследовала традицию травелогов путешественников XVIII в., где противопоставлялись столица и провинция, «в которой столичное выступает мерой для понимания и оценки провинциальной культуры» [Милюгина, Строганов, 2011, с. 39]. Таким образом, в структуре маршрутов произведений для детей появляются описания Твери, Торжка, Клина, Валдая, Новго-

рода, Нижнего Новгорода и других городов, к которым можно добраться из столиц по дороге в карете или дилижансе. Сухопутные перемещения после появления почтового тракта в конце XVIII в. становятся особенно востребованными среди путешественников петербургско-московского направления и используются авторами, в том числе, как один из факторов демонстрации технического прогресса и развития научного знания: «В те поры не было еще даже, теперь почти оставленного путешественниками шоссе, по крайней мере, было оно не по всему пути; были места, где колеса экипажей утопали в сыпучих песках; <...>. Не было ни дилижансов, ни почтовых карет; <...>. Тогда добраться до Петербурга из Москвы в пять дней казалось очень скоро» (Приемыш Сережа, 1854, с. 66–67).

В маршруте из Петербурга в Москву и из Москвы в Петербург выделяются четыре этапа пути: петербургский, новгородский, тверской и московский. Обязательными остановками для посещения на всех дистанциях являются церкви и монастыри, выполняющие функцию культурных центров. Например, посещение героями повести А. Ишимовой «Каникулы 1844 года...» Рождественского монастыря в Твери предваряется описанием его истории, а затем в процессе экскурсии по монастырю усиливается важность познания духовной истории: «В ограде монастырской мы встретили несколько монахинь, которые все приняли нас очень ласково и рады были, что мы пришли посмотреть монастырь их. Прежде всего они предложили нам зайти к матушке Игуменье, на что мы с большею охотой согласились. Лиза и Валериан никогда еще не бывали ни в одном монастыре, кроме Невского, – я также как всегдашняя жительница Петербургская, никогда не видала женских монастырей» (Каникулы, 1846, с. 81). Посещение церквей и монастырей придает путешествию ритуальный характер и усиливает эмоциональное восприятие духовного опыта в дискурсе светского путевого очерка.

Детская литература путешествий первой половины XIX в. представляет собой образцы первых художественных произведений для детей, где повествование не ограничивается поступком главного героя и его оценкой. Читателю предлагается более занимательный сюжет с элементами назидательной, познавательной и приключенческой литературы. В то же время повествовательные формы и характеристики героев произведения еще далеки от отступления от влияния на них общественных норм и гендерных прескрипций – детская литература развивается в дидактическом направлении, и социализация читателей обусловлена нормами послушания, покорности и назидания. С другой стороны, поведение героинь повестей А. Ишимовой, М. Гладковой и К. Местера отражает неоднородность и изменчивость сюжета о путешествии детей в детской литературе на небольшом историческом отрезке первой половины XIX в., которая проявляется в общении с другими героями и самостоятельном восприятии окружающего мира. Однако такая эволюция поведения героев отражается только при описании героинь женского пола и практически не проявляется в поведении героев мужского пола, функции и цели путешествия которых на протяжении всего рассматриваемого периода остаются неизменными и носят прагматический характер, герои не проявляют эмоций и практически не осмысляют свои поступки.

Список литературы

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 415 с.

Балина М. Литература путешествий // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.

Майга А. А. Литературный тревелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелогике нового времени // Культура и текст. 2014. № 3. С. 6–18.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 3. С. 37–43.

Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. [Ростов на/Д]: Изд-во Рост. ун-та, 1974. 108 с.

Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 412 с.

Савченкова Т. П. Прасковья Луполова в действительности и художественном воображении // Ишим и литература. Век XIX. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим: Изд-во Ишим. гос. ин-та им. П. П. Ершова, 2004. С. 5–18.

Сергиенко И. А. «Смерть героя»: сюжет о гибели ребенка в нравоучительной прозе конца XVIII в. // Детские чтения. 2015. № 1 (7). С. 113–127.

Толстокурова А. В. Дама в дилижансе: женская географическая мобильность и пространственная эмансипация в художественной литературе эпохи модерна // Культура и текст. 2016. № 4 (27). URL: file:///C:/Users/OBR-U1/Desktop/4_2016 Tolstocorova.pdf (дата обращения 22.09.2019)

Травников С. Н. Путевые записки петровского времени (Проблема историзма): Учеб. пособие. М.: МГПИ, 1987. 98 с.

Dickinson S. Women's Travel and Travel Writing in Russia, 1700–1825. In: Rosslyn W., Tosi A. (eds) Women in Russian Culture and Society, 1700–1825. Palgrave Macmillan: London. 2007. P. 63–82. DOI 10.1057/9780230589902_5

Список источников

Зонтаг А. П. Потерянное дитя // Повести для детей / Пер. с фр. М. Г. и И. Г. М.: Ф. М. Исаев, 1835. С. 109–148.

Каникулы – Ишимова А. И. Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву / Соч. Александры Ишимовой. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1846. 270 с.

Маленькие путешественники – Маленькие путешественники, или Испытания молодости / Пер. с фр. М.: Тип. Н. Степанова, 1834. 339 с.

Молодая сибирячка – Местр К. де. Молодая сибирячка: Истинное происшествие / Пер. с фр. А. Попова. СПб.: Тип. К. Крайя, 1840. 141 с.

Петруша ездок – Ишимова А. И. Петруша ездок // Колокольчик: кн. для чтения в приютах. СПб.: Тип. Я. Трея, 1849. С. 85–101.

Приемыш Сережа – Львов В. В. Приемыш Сережа: Повесть для детей, сочинителя «Серого армяка». М.: Тип. Александра Семена, 1854. 221 с.

Пятнадцатидневное путешествие – Гладкова М. 15-тидневное путешествие, 15-тилетнюю писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу. 1810-го года августа месяца. СПб.: В тип. Губернского правления, 1810. 127 с.

Серый армяк – Львов В. В. Серый армяк, или Исполненное обещание: Повесть для детей. М.: Унив. тип., 1836. 202 с.

A. A. Dimianenko

*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Traveler children in Children's Literature in the First Half of the 19th Century: Characters and Routes

The article discusses the travel of children in fiction for children, published in the first half of the 19th century. The article attempts to classify travel plots in children's literature, analyzes the tradition of introducing travel literature and routes used by authors to describe travel in the read-

ing circle of children. Important conclusions of the study are the analysis of the behavior of the characters and the functioning of the prescribed social norms in the space of the described journey. Sources for analysis were works written for children by A. O. Ishimova (“Vacations of 1844”; “Petrusha traveler”), A. P. Zontag (“The Lost Child”) K. Mestra (“The Young Siberian”), V. V. Lvov (“Gray armiak”, “Seryozha stepchild”), M. Gladkova (“A fifteen-day journey written by a fifteen-year-old, to please her parent, and dedicated to a fifteen-year-old friend” and the anonymous story “Little travelers or trials of youth”).

Keywords: children’s literature of the first half of the 19th century, travel literature, travelogue.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-127-139

References

Ariès Ph. Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke. [L'enfant et la vie familiale sous L'ancien régime]. Ekaterinburg, UrSU Press, 1999, 415 p. (in Russ.)

Balina M. Literatura puteshestviy [Travel literature] In: Sotsrealisticheskiy kanon [Social realistic canon]. Eds. Kh. Gyuntera, E. Dobrenko. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt, 2000, p. 896–909. (in Russ.)

Maiga A. A. Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: Genre peculiarities]. *Philology and Culture*, 2014, no. 3 (37), p. 254–259. (in Russ.)

Milyugina E. G., Stroganov M. V. Lichnost' avtora-puteshestvennika v traveloge novogo vremeni [The author-traveler’s personality in a new history travelogue]. *Culture and Text*, 2014, vol. 3, p. 6–18. (in Russ.)

Milyugina E. G., Stroganov M. V. Printsipy izucheniya «tverskikh» travelogov XVI–XX vekov [Principles for Tver travelogues of 19–20th centuries’ researching]. *Bulletin of TvSU. Series: Philology*, 2011, iss. 3, p. 37–43. (in Russ.)

Mikhelson V. A. «Puteshestvie» v russkoy literature [“Journey” in Russian literature]. Rostov on Don, RostSU Press, 1974, 108 p. (in Russ.)

Ponomarev E. R. Tipologiya sovetskogo puteshestviya: «puteshestvie na Zapad» v literature mezhoennogo perioda [Typology of the Soviet Travel: “Journey to the West” in the literature of the interwar period]. 2nd ed. St. Petersburg, SPbSUCI Press, 2013, 412 p. (in Russ.)

Savchenkova T. P. Praskov'ya Lupolova v deystvitel'nosti i khudozhestvennom voobrazhenii [Praskovya Lupolova in reality and artistic imagination] In: Ishim and literature. Century XIX. Essays on literary study of local lore and rare books. Ishim, 2004, p. 5–18. (in Russ.)

Sergienko I. A. «Smert' geroya»: syuzhet o gibeli rebenka v nravouchitel'noy proze kontsa XVIII v. [“The death of a hero”: the plot of the death of a child in the moral prose of the late XVIII century]. *Children's Readings*, 2015, vol. 1 (7), p. 113–127. (in Russ.)

Tolstokorova A. V. A female in a phaeton: female geographic mobility and spatial emancipation in fiction of art nouveau era. *Culture and Text*, 2016, no. 4 (27). URL: file:///C:/Users/OBR-U1/Desktop/4_2016Tolstokorova.pdf (accessed: 22.09.2019) (in Russ.)

Travnikov S. N. Putevye zapiski petrovskogo vremeni: (Probl. istorizma) [Travel notes of Peter's time: (Probl. Historicism)]. Moscow, MSPi Press, 1987, 98 p. (in Russ.)

Dickinson S. Women’s Travel and Travel Writing in Russia, 1700–1825. In: Rosslyn W., Tosi A. (eds) *Women in Russian Culture and Society, 1700–1825*. London, Palgrave Macmillan, 2007, p. 63–82. DOI 10.1057/9780230589902_5

List of Sources

Gladkova M. 15-tidnevnoe puteshestvie, 15-tiletneyu pisannoe, v ugozhdenie roditelyu i posvyashchaemoe 15-tiletнему drugu. 1810-go goda avgusta mesyatsa [A fifteen-day journey written by a fifteen-year-old, to please her parent, and dedicated to a fifteen-year-old friend]. St. Petersburg, 1810, 127 p. (in Russ.)

Zontag A. P. Poteryannoe ditya [The Lost Child]. In: Zontag A. P. *Povesti dlya detey* [Novels for children]. Moscow, F. M. Isaev Publ., 1835, p. 109–148. (in Russ.)

Ishimova A.I. Kanikuly 1844 goda, ili Poezdka v Moskvu [Vacations of 1844 or a trip to Moscow]. St. Petersburg, 1846, 270 p. (in Russ.)

Ishimova A. I. Petrusha ezdok [Petrusha traveler] In: Ishimova A. I. Kolokol'chik kn. dlya chteniya v priyutakh [Bell: a book for reading in shelters]. St. Petersburg, Ya. Treya Publ., 1849, p. 85–101. (in Russ.)

Lvov V. V. Priemysh Serezha: Povest' dlya detey, sochinitelya «Serogo armyaka» [Seryozha stepchild]. Moscow, Aleksandr Semen Publ., 1854, 221 p. (in Russ.)

Lvov V. V. Seryy armyak, ili Ispolnennoe obeshchanie: Povest' dlya detey [Gray armiak or a Promise Fulfilled]. Moscow, Uni. Press., 1836, 202 p. (in Russ.)

Malen'kie puteshestvenniki, ili Ispytaniya molodosti [Les petits voyageurs, ou Les épreuves de la jeunesse]. Moscow, N. Stepanov Publ., 1834, 339 p. (in Russ.)

Maistre X. de Molodaya sibiryachka: Istinnoe proisshestvie [Young Siberian: True incident]. St. Petersburg, K. Kray Publ., 1840, 141 p. (in Russ.)

Anna A. Dimianenko – Candidate of Philological Sciences, Senior Assistant, The Research Center of Children's Literature, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS (4 Markarov Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation, ann.dimyanenko@gmail.com)